

это был Упан-хат. Общение с русскими отразилось не только на способах рыболовства, но и на различных рыбацких суевериях. В.Л. Серошевский отмечал: «Якутский рыбак не дает рыбаку, не состоящему с ним в артели, наживы из собственной коробки. Никогда не позволит прикоснуться к ним незнакомцу и даже не любит, когда осматривают его снасти. Это портит счастье» (*Серошевский В.Л. Якуты. М., 1993. С. 286–287*).

В конце XIX–начале XX вв. промысел рыбы у народов Восточной Сибири приобрел широкое товарное значение. Стали применяться крупные орудия лова в виде больших сетей и неводов в запрещенные сроки и в больших масштабах, что в определенной степени подорвало воспроизводство рыбы, сократилась ее добыча. Рыба вывозилась для продажи на золотые прииски и в города (Якутск, Иркутск, Бодайбо, Минусинск и др.). Негативное влияние на состояние рыбного промысла оказало сведение лесов и загрязнение водоемов. Вырубки и пожары лесных массивов приводили к обмелению рек, нарушению жизненно важных процессов водных организмов, изменялся экологический баланс водной и прибрежной территории.

И.В. КУРЫШОВА

ЗНАЧЕНИЕ ОБЫЧНОГО ПРАВА ДЛЯ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ.

Необходимость ограничения природопользования, его рационализации осознавалась широкими слоями населения, несмотря на трансформацию экологических традиций. Ограниченность природных ресурсов в нелегких климатических и географических условиях Сибири диктовала подчинение индивидуальных интересов интересам общественным.

В традициях образа жизни населения, в единстве с природой заключается самая естественная форма экологического воспитания и образования. К экологическим традициям русского старожильческого и инородческого населения Байкальского региона не раз обращались отечественные исследователи, этот вопрос достаточно хорошо разработан в исторической литературе (*См., например: Абаев Н.В., Герасимова К.М., Железнов А.И. и др. Экологические традиции в культуре народов Центральной Азии. Новосибирск: ВО Наука, 1992. С. 32, 34; Беликов В.В. Эвенки Бурятии: история и современность. Улан-Удэ, 1994. С. 26, 28, 42; Жамбалова С.Г. Традиционная охота у бурят. Новосибирск: Наука, 1991. С. 144–145, 129–130*). Народные традиции рационального природопользования касались как охоты и рыболовства, так и пользования лесными угодьями.

Среди коренного населения региона человек рассматривался как часть природы. Природа же обожествлялась, силы природы признавались приоритетными по отношению к человеку. Поэтому природоохранные тради-

ции коренного населения Байкальского региона нередко имели некий сакральный смысл. Среди шаманских обрядов существовал обряд покаяния в грехах против духов камня, дерева и земли, т.е. в ущербе, причиненном природе. С глубокой древности здесь существовали так называемые священные рощи и священные леса, считавшиеся неприкосновенными. В них запрещалась любая производственная деятельность человека. Священными лесами у бурят, например, назывались те лесные участки, на территории которых хоронили шаманов, или были обнаружены «священные камни» (бумал-шулун), т.е. метеориты (Мельхеев М.Н. *Охрана заповедных рощ Прибайкалья // Охрана природы Сибири: Материалы Первой Сибирской конференции 1958 года. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1959. С. 110*). Как утверждает Ю.А. Зуляр в монографии «Очерки истории природопользования в Байкальском регионе», такие священные места явились прообразами заказников и заповедников (Зуляр Ю.А. *Очерки истории природопользования в Байкальском регионе. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2002. С. 286*). Такими священными лесами являлись Абазай Угут и Ольхонская роща на Ольхоне, Шаманский мыс у Култука, Шаманский реликтовый лес в Аларском ведомстве, Бурковская, Ныгдинская, Алятская рощи в бассейне реки Куда и др. (Мельхеев М.Н. *Указ. соч. С. 110*).

По представлениям коренного населения основой и источником жизни являлась природа, поэтому не нужно было бесполезно истреблять зверей, птиц. Например, по поверьям бурятских охотников, успех охоты зависел от воли Хангая — хозяина тайги, который воплощал образ природных сил. Стремление не разгневать его, не преступить меру дозволенного позволяли строго контролировать поведение охотника (Балданова А.С.-Д. *Традиционное хозяйственное природопользование бурят в конце XIX–начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 1997. С. 136*). Животные добывались для удовлетворения своих потребностей, поэтому это не отражалось на биологическом равновесии. Знание образа жизни животных позволяли избирать нужные сроки, приемы, способы охоты. Коренные народы придерживались обычая «не убивать самку дикой козы в весенний период, не разрушать гнезд птиц, не убивать перелетных птиц после 15 дней со дня прилета», а также с глубокой древности запрещалось «ловить и убивать молодых птиц» (Будаева Ц.Б. *История развития хозяйства забайкальских бурят в XIX веке: дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2000. С. 56*).

По эвенкийской традиции, промыслово-охотничьи участки делились между семьями и родами, которые обязаны были оберегать свои земли. Благодаря этому формировалась этика эвенкийского охотника, не позволявшая убивать маток, отстреливать птенцов и птиц весной, охотиться в неположенный срок, убивать без надобности, сверх меры. Сроки охоты регламентировались исходя из особенностей образа жизни животных. В случае нарушения охотнику запрещали выходить в лес и переводили его на хозяйственные работы вместе с женщинами (Будаева Ц.Б. *Указ. соч. С. 53–54*).

Многие животные у «иностранцев» являлись предметом культа. К ним относились с большим уважением и или не убивали их совсем, или их добыча была строго регламентирована. К таким животным у бурят и эвенков относились, например, лебедь, орел, соболь, косуля, горностай, волк, марал, медведь, ворон, дятел. Охрана некоторых пушных зверей, таких как горностай, ласка, была связана с народными поверьями, сохранившимися до конца XIX в. Например, «народ считал горностаев злопаятными, а при озлоблении даже ядовитыми, поэтому было запрещено разорять их гнезда, а тем более убивать их самок». Считалось, что если ласка «где-то около дому ведется, там счастье; живет в подполье — вреда не делает, а мышей ловит; живет в хлевах и приносит здоровье скоту, а если ее обидят — уйдет и скот вестись не станет» (*Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865. С. 115–116*). У булагатских и эхиритских бурят до сих пор бытует поверье, что «если убьешь сто тетеревов, потеряешь лошадь; если убьешь марала или изюбря, потеряешь близкого человека» (*Александрова Е., Троицкая Н. Природоохранные идеи и традиции в религиях народов Прибайкалья // www.ecoethics.ru. С. 10*).

Кроме культовой идеологии охотники соблюдали нравственные неписанные законы по отношению к тайге, зверям, птицам. Как отмечает в статье «Экологические традиции и проблемы Приангарья» Ж.А. Зимин, охотникам Приангарья «возбранялось воровать, кричать, ругаться, быть неряшливым, запрещалось загаживать вокруг жилища, осквернять культовые места, убивать чужую собаку» (*Зимин Ж.А. Экологические традиции и проблемы Приангарья // Бурятское население Иркутской области (губернии) и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа в XX в.: Матлы межрег. науч.-практ. конф. Иркутск: Изд. ОАО «Иркутская областная типография № 1», 2002. С. 271*).

Экологические традиции существовали и у русского населения Байкальского региона. Ряд исследователей, в том числе В.А. Зверев, М.О. Тяпкин доказывают, что идея образования заказных лесов зародилась и стала действительностью в общинных крестьянских лесных угодьях. «Заказные» леса — это особо ценные для общин лесные участки, лучше сохранившиеся или, наоборот, сильнее всего нуждающиеся в восстановлении. На этих лесных участках, расположенных, чаще всего, в верховьях и по берегам речек и ручьев, около ключей, на песках, запрещалась бессрочно или на определенное время (иногда до 50 лет) рубка деревьев. Эти лесные участки отходили «в заказ». Такие заказные леса известны в Забайкалье «в Малокуналейской и Малокударинской волости, Горячинском отдельном обществе Верхнеудинского уезда, Урлукской станице на реке Чикой, Киранской станице Троицкосавского округа, Хараузском селении в верховьях реки Тугнуй» (*Зверев В.А. Экологические аспекты культуры и образа жизни крестьянства Сибири эпохи капитализма // Развитие культуры сибирской деревни. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1986. С. 88*). Для охраны выбирали «полесовщиков», «лесников», иногда

их обязанности поочередно исполняли все общинники. Любые работы в заказных лесах допускались только под контролем общества, иногда только после внесении определенного взноса. Нарушители наказывались решением общества, в зависимости от характера проступка, денежным штрафом, иногда — телесным наказанием. (Тяпкин М.О. *Охрана лесов Томской губернии во второй половине XIX–начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004. С. 18*).

В конце XIX в. пользование лесом сводилось к двум формам: лес оставался в общем пользовании деревни или делился на участки по числу платежных душ. Раздел леса на подворные душевые участки получил широкое распространение, и охрана леса была достаточно действенной. Таким образом, к концу XIX в. общинный контроль над лесопользованием в некоторой степени ослабевает, однако идея образования заказных лесов получает дальнейшее развитие в деятельности лесничеств.

В ходе осуществления землеустроительной реформы крестьянское лесопользование претерпевает некоторые изменения. В условиях ограничения лесных наделов тремя десятинами на душу мужского пола крестьяне стали проводить политику более рационального пользования своими наделными лесами. Леса, находившиеся в крестьянском пользовании, делились на лесосеки, и лес использовался из разных лесосек поочередно, в зависимости от состояния участка.

Имели русские старожилы определенные традиции и в области ограничения охоты. Например, несмотря на то, что лес в Сибири находился в свободном пользовании охотников, известны случаи, когда право охоты на некоторых территориях подвергалось ограничениям, чаще всего в соответствии с нормами обычного права. Так, например, в волостях Братская и Больше-Мамырская Нижнеудинского округа, Яндинская Балаганского округа оформилась традиция, согласно которой местность, где зверопромышленник устраивал зимовье и ставил снаряды для ловли зверей, считалась «своею тайгой», и никто другой не только не имел права охотиться на этом участке, но и проходить по нему. Авторы «Материалов по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний» нашли два решения волостного суда, подтверждающие этот обычай. «В одном из этих решений, по жалобе промышленника на то, что по его тайге ходят другие, суд обязал их не ходить, в случае неисполнения — платить за каждый раз по 3 рубля штрафа; а в другом — за прохождение по чужой тайге сделать виновному «внушение», с отнесением на его счет издержек по вызову свидетелей», — говорится в «Материалах...» (*Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Т. II. Вып. IV. Иркутск, 1892. С. 377*). Эти факты свидетельствуют, конечно, не столько о том, что население бережно относилось к природе, сколько о тенденциях раздела угодий. Тем не менее, показателен сам факт ограничения охотничьего промысла.

В конце XIX в. многие сельские и инородческие общества Иркутской губернии принимали решения о запрете промысла диких коз, лосей, изюбров по насту (См. напр.: *Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 17. Оп. 1. Д. 328. Л. 1*). Одной из самых эффективных мер по охране этой категории зверей, как показала практика, являлось одомашнивание животных и создание своеобразных питомников. Содержание маралов и изюбрей в неволе не требовало больших затрат по уходу. Необходимо было иметь особый двор, обнесенный забором в четыре аршина высотой, и запас сена на год. Так, например годовое содержание изюбря в неволе в Верхнеудинском округе оценивалось примерно в 40–90 р. (*Кириллов Н.В. Полуодомашненные изюбры в Верхнеудинском округе // Известия ВСОИРГО. Т. XX. № 4. Иркутск, 1895. С. 13–14*).

В Иркутской губернии разведение изюбрей не получило широкого распространение, встречались лишь единичные случаи. Например, в Тулуновской волости Нижнеудинского округа один из местных крестьян держал 3 прирученных изюбрей, с которых в определенное время снимал на продажу рога (*Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 10. Д. 1978. Л. 241*). В 1909 г. потомственный почетный гражданин Петр Баторов в прошении к Иркутскому Военному генерал-губернатору высказывал желание заниматься приручением и разведением диких маралов, для чего ему необходимо было добиться разрешения ловли зверей «без разбора пола и возраста ежегодно с 1 мая по 1 ноября в тайге — по всей системе реки Большой Белой» с помощью изобретенных им ножных петель, не приносящим никакого вреда животным. После рассмотрения дела разрешение было получено. Имеются сведения, что маралов разводили и в самом Иркутске (*Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 390. Оп. 1. Д. 17. Л. 48*).

Устройство питомников получило широкое распространение на территории Забайкальской области среди русских крестьян. В начале XX в. в Забайкалье «по реке Чикой развивалось мораловодство до 500 голов, в Читинском уезде вверх по Ингоде от Читы до 200 голов. Всего 300 забайкальских мораловедов имели до 1 000 голов» (*ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 1978. Л. 353*). Наибольшее количество маральников встречалось в Троицкосавском и Верхнеудинском округах Забайкальской области. В статье А. Силантьева «Марал и его будущая роль в хозяйстве сибирских крестьян» приводится целый список деревень Верхнеудинского округа, в которых встречались ручные изюбры. Силантьев выделяет три категории деревень: а) где разводили много изюбрей, — в бассейне рек Чикой и Хилок, а именно Укир, Шокой, Хилклтой и др.; б) где разводили немного изюбрей — Байкор, Выезжая, Шинки, Тарбагатай, Кули.; в) где разводили по 1–4 изюбра — Новая Брянь, Тальцы, Мухоршибирь, Мухор-Тала, Петровский Завод, Хараус (*РГИА. Ф. 390. Оп. 1. Д. 17. Л. 48*).

Местные жители осознавали и пагубные последствия бесконтрольного лова рыбы. Так, сельские общества Приангарья очень строго следили за

«ямами», где скапливалась «красная рыба». Запрещалось стрелять вблизи «ямы», ставить переметы, шуметь, рубить деревья, распугивать рыбу запахом багульника, пихты, приезжать на яму раньше, чем за сутки до начала лова. Надзор за «ямой» осуществляло начальство того населенного пункта, в пределах которого она находилась. Выборные должны были в течение двух недель выслушивать рыбу, передавая сведения сельскому или волостному правлению. Для каждой «ямы» определялся свой срок лова, но, в общем, сроки ограничивались с 13 сентября по 3 октября.

В литературе встречаются описания рыбоохранных мероприятий, проводимых общиной во время рунного хода омуля в Забайкалье с 1 августа по 20 сентября. В указанный срок строго запрещалась ловля омулей в устье рек, особенно Селенги, до 15 верст от Байкала любыми ловушками и снастями. Нарушители преследовались специально учрежденным временным самоуправлением из волостных членов и сельских старшин, которые могли отобрать все снасти, лодки, ловушки и продать их с аукциона. Вырученные деньги отсылали в Иркутский приказ общественного призрения. Сети жгли на глазах самих хозяев, в назидание всем остальным.

Однако, несмотря на то, что природопользование населения края, в особенности коренного, основывалось на исторически сложившихся традициях поклонения перед природой, бережного отношения к ее богатствам, было бы ошибкой утверждать, что традиции охраны природы оставались незабываемы. Под влиянием быстрых темпов экономического освоения Байкальской Сибири, роста спроса на результаты охотничьей промысловой деятельности (шкуры ценных пушных зверей, панты), рыбу, пиломатериалы, вовлечения сибирского охотника в товарно-денежные отношения народные экологические традиции стали нарушаться. Ограничение лесопользования и колонизация порождали увеличение масштабов самовольных порубок. Контроль со стороны общины над рыбным промыслом был неэффективен в масштабах всего края, так как был эпизодическим, затрагивал лишь отдельные селения. Охота приобрела хищнический характер, что естественно отразилось на количестве промысловых зверей, которое достигло либо критического уровня, либо указывало на возможность ближайшего исчезновения отдельных животных. Ф.Г. Мальнер, занимавшийся изучением пушного промысла в Сибири, отмечал: «По мере соприкосновения с культурой и получением некоторого облика образования, инородец легко развращается и теряет свои положительные стороны» (*Мальнер Ф.Г. Новый путь к возрождению пушного промысла. Проект правительственных мероприятий, направленных к возрождению среди коренного зверопромыслового населения России пушного звероводства. Иркутск: Иркутское отделение, 1922. С. 19*). По-видимому, это высказывание можно с еще большей уверенностью отнести и на счет русских крестьян-старожилов, не говоря уже о переселенцах. В силу распространения товарных отношений, община утрачивала функцию контроля за хозяйственной деятельностью отдельных членов общества.